

**ГРАФИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННОЕ СЛОВО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Ю. ТРИФОНОВА
И КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ О ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ:
ИНЕРЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРИЕМА**

А. Г. Василенко

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск

Рецензент д-р филол. наук, профессор Т. А. Трипольская

Ключевые слова: графически выделенный фрагмент; идиостиль; инерция художественного приема; функциональный аспект; Ю. В. Трифонов.

Аннотация: Проведен анализ функционирования трифоновского слова вне текстов писателя. Критик, декодируя и интерпретируя графические выделения в тексте как художественный прием, вводит их в собственный текст. Рассмотрены стадии освоения приема (игнорирование, сохранение, маркирование, использование в качестве художественного приема). Представлена классификация способов введения выделенного слова в тексты о Ю. Трифонове, проанализированы происходящие при этом трансформации. Особый акцент сделан на изменениях в функционировании выделенного слова.

Выделение разрядкой слова – характерный художественный прием в идиостиле Ю. Трифонова. В рамках широкого подхода к определению знаков препинания (А. А. Реформатский [1], Б. С. Шварфкопф [2], Н. Л. Шубина [3], Н. П. Перфильева [4] и др.) разрядка как средство пространственной и композиционной организации относится к периферии средств пунктуации.

Графически выделенный фрагмент (**ГВФ**) – прием, изначально ориентированный на читателя: графика участвует в «преодолении линейности текста» (термин И. В. Арнольд), поддерживает многоплановость и полифоничность повествования; «выдвижение задерживает внимание читателя на определенных участках текста и тем помогает оценить их относитель-

---

Василенко Анастасия Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации, психологии, e-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

ную значимость, иерархию образов, идей, чувств и таким образом передает отношение говорящего к предмету речи и создает экспрессивность элементов» [5, с. 205]. Как отмечает Н. С. Болотнова, воспринимая и интерпретируя текст, читатель ищет «ключи» к смыслу текста [6, с. 469], а средства выдвижения могут рассматриваться как узловые точки авторской стратегии и ориентиры для стратегии читателя [5, с. 378].

Адресат обнаруживает авторскую стратегию в использовании разрядки как средства выдвижения. Не являясь профессиональным литературоведом, он, по наблюдению И. В. Арнольд, «ориентируется в самом тексте, опираясь на свое знание языка и на структуру самого текста, собственный читательский опыт используется строго применительно к тому, что обнаруживается в тексте. Схема связи: автор-текст-читатель» [5, с. 134]. Иначе выглядит связь при подходе к художественному тексту исследователя. «Установив внетекстовые факторы, он сопоставляет их с данными текста. Если далее исследователь в качестве лектора или докладчика передает результаты своего анализа читателю, схема связи получается: автор – текст – интерпретатор – читатель» [5, с. 134]. Независимо от читательской стратегии ГВФ «считывается» и «интерпретируется», но критик делает следующий шаг, вводя его в собственный текст (в рамках цитаты, вне ее как аллюзию к произведению и т. д.).

Рассмотрим несколько стадий освоения приема.

1. *Игнорирование/обесценивание приема.* Адресат-филолог может не придавать значения графическим выделениям, считая их не значимыми для реализации задач, стоящих перед ним. Соответственно, при цитации оно не сохраняется. Безусловно, нужно учитывать тот факт, что на сохранение графических выделений, помимо внутренних факторов (цели и установки автора критической статьи, его умения работать с авторским словом и пр.), влияют также и внешние (например, редакторская традиция изданий, обуславливающая то, какие средства графических выделений предпочтительны).

2. *Сохранение разрядки в цитируемых фрагментах.* Автор статьи сохраняет графический облик цитируемого фрагмента или заменяет разрядку одним из синонимичных способов выделения.

3. *Маркирование.* Чужой, «трифоновский» ГВФ маркируется, появляются метапоказатели типа: (разрядка моя – Д. Ф.) [7, с. 170]; [выделено Трифоновым] [8, с. 70]; разрядка в цитатах из повестей Ю. Трифонова здесь и далее моя (кроме специально оговоренных случаев) – В. К. [9, с. 30] и пр. Критик сохраняет выделения трифоновского слова, часто наряду с этим выделяя и свое слово¹. В этом случае говорим не только о маркировании и осмыслении приема, но и о разграничении своего и чужого слова. Дифференцирование может проводиться также и с использованием средств графики. Так, в предисловии Н. Ивановой [10] в цитатах из произведений Ю. Трифонова сохранена разрядка, тогда как сам исследователь использует курсив.

---

¹ Можно предположить, что, маркируя чужую разрядку, критик сам начинает чаще использовать средства графики. Несмотря на то что подобные выделения могут быть обусловлены инерцией трифоновского приема, в рамках конкретной статьи не будем останавливаться на них подробно. Каждый из таких примеров требует детального анализа и в большей степени характеризует идиостиль критика.

4. *Развитие приема.* Критик принимает условия авторской игры. Акцент делается не только на ГВФ, но и на сам прием, который может комментироваться. Например: «Интонационное и графическое подчеркивание “особых слов и понятий, имеющих многозначный смысл” Трифонов называл своим излюбленным приемом. Этот прием позволяет выделить ключевые слова романа, которые могут соотноситься по принципу рифменного конрапункта, и сопоставить позиции разных персонажей» [8, с. 71]. Если на предыдущих стадиях освоения приема критик сохранял графический облик трифоновского текста, то теперь он может менять границы текстового выделения², выделять слова и словосочетания, графически не выделенные писателем. Происходит расширение функционального диапазона ГВФ.

Слово, выделенное разрядкой, начинает использоваться критиком как прием: оно появляется в статьях, посвященных творчеству писателя. Более того, прием может расширяться, претерпевать определенные изменения. Критик вслед за автором использует выделенное слово, вступая в диалог с писателем. И здесь обратимся к работам М. М. Бахтина, который своими идеями о «чужом слове», «чужом голосе», тексте как диалоге автора с предшествующей и последующей культурой [11], предвосхитил учение об интертекстуальности. Литературовед, приводящий цитату из произведения Ю. Трифонова, пересказывающий краткое содержание и вводящий в свой текст выделенное разрядкой «трифоновское» слово, вступает в полемику с писателем, ориентируется на предшествующие критические работы, предваряет те, что еще не написаны. Ранее отмечено, что в критическом тексте с выделенным фрагментом происходят определенные изменения: выделение может сохраняться, а может игнорироваться, могут быть выделены не все слова, по сравнению с цитируемым текстом; более того, прием может быть не просто ретранслирован, но и освоен автором критической статьи: критик может расширять функции чужого, «трифоновского» слова и начать системно графически выделять свои текстовые единицы [12, с. 64].

В эмпирическую базу работы, помимо художественных текстов Ю. Трифонова, входят критические статьи, посвященные творчеству автора, в том числе вступительные замечания к сборникам его произведений, монографии, посвященные его творчеству, лингвистические и литературоведческие статьи, оперирующие цитатами из текстов Ю. В. Трифонова в качестве иллюстративного материала. В некотором роде речь идет о формировании особого филологического гипертекста, в котором прослеживаются черты трифоновского стиля и который организован с помощью типичных для его идиостиля приемов.

В рамках данной статьи рассмотрено, как может вводиться выделенное слово в критический текст о Ю. Трифонове, какие трансформации с ним происходят, и какие функции оно выполняет.

---

² В тех случаях, когда автор критической статьи не указывает издание, по которому приведены цитаты, сверка границ текстовых выделений проведена по изданию [13].

В основании приведенной классификации – ракурс рассмотрения текста, заданный Б. С. Шварцопфом. «При функционально-системном описании пунктуации возможны по крайней мере два противоположных подхода: 1) описание, исходящее из точки зрения (коммуникативного задания) пишущего – пунктуация от пишущего; 2) описание, исходящее из точки зрения (декодирования текста) читающего – пунктуация для читающего» [14, с. 6]. Важным для нас представляется следующий подход, обычно опускаемый: «по-видимому, возможен еще один, третий подход, совмещающий обе названные точки зрения: подход редактора текста как посредника между пишущим и читающим» [14, с. 6]. Напомним, фигуру посредника ранее мы упоминали в связи со схемой связи, приводимой И. В. Арнольд: автор – текст – интерпретатор – читатель [5, с. 134]. Поясним, в чем проявляется посредничество критика и как это коррелирует со стадиями освоения приема.

Очевидно, что из выделенных стадий освоения приема возможны две основных ситуации: в трифоновском тексте графическое выделение принадлежит писателю или критику (четвертая стадия освоения приема). В ситуации, когда критик сохраняет графический облик текста, он тем самым придерживается пунктуации от пишущего (слово выделено автором, исходя из его коммуникативного задания). Критик выступает в роли читателя, интерпретирующего текст, но сохраняющего его первоначальный вид. В случае изменения графического облика трифоновской прозы можно говорить о двусторонней функциональной значимости (задействованы как «пунктуация от пишущего», так и «пунктуация для читающего»). Более того, вторая выходит на первый план. Критик выступает с позиции соавтора (и мы можем говорить о «пунктуации от пишущего», уже исходя из его коммуникативных намерений).

Проиллюстрируем данное положение.

I. Выделение от пишущего (графическое выделение принадлежит писателю).

1. ГВФ сохраняется в рамках цитаты.

Сохранение графического выделения при цитировании трифонового текста встречается в трудах специалистов разных профилей (лингвистов, литературоведов, критиков, историков, в воспоминаниях современников и т. д.). Выбор цитаты обусловлен авторскими задачами: она может использоваться в качестве иллюстративного материала, подтверждения высказанного автором критической статьи тезиса и т.д. Безусловно, сохранение графического облика текста может быть как формально, так и продиктовано задачами автора (выполнять определенные смысловые функции). Не будем останавливаться на анализе примеров данной подгруппы, которая представляет наиболее часто встречающийся способ введения ГВФ в критический текст, поскольку каждый из них требует должного анализа, несовместимого с форматом обзорной статьи. Отметим лишь важную характерологическую особенность. ГВФ максимально семантически и функционально нагружен: продолжая выполнять свои функции во фрагменте цитируемого произведения, он может приобретать новые функции; могут актуализироваться другие значения в рамках текста критической статьи. С одной стороны, он все еще встроен в структуру произведения и хранит

в себе память о целом тексте как более сложном образовании; связан с другими произведениями писателя, где актуализирована данная проблематика; с другой, – в новом текстовом окружении ГВФ вступает в новые отношения, обретает новые связи.

2. *Цитатная природа ГВФ не маркируется, он приводится вне контекста, как аллюзия к произведению, мотиву, ключевому слову.*

Во вступительной статье Л. А. Аннинского: «Теперь выстраивайте “от обратного” ту сферу, в которой Трифонов находит своего человека. Труд его – не красочен. Этот труд как бы неощутим – невещественен. Он не укоренен в вещах. Он укрыт, сокровенен, этот труд, он хрупок, уязвим, несправа, он легко может быть оспорен. Это труд духовный, словесный, как бы опрокинутый в эфемерность. Д р у г а я ж и з н ь, чем каждодневно можно увидеть и ощупать» [15, с. 8].

Аннинский Л. отсылает нас к произведению, не входящему в состав сборника. Критик не комментирует слово, выделенное разрядкой. Но это легко опознаваемая единица, которая соотносится с «трифоновским» текстом самостоятельно: словосочетание «другая жизнь» неоднократно повторяется в тексте одноименной повести. ГВФ становится нитью, связывающей разные по времени написания и стилистике работы, показывает преемственность в творчестве писателя, общность и развитие ключевых мотивов. Критик, вводя «по-трифоновски» в текст аллюзию на другое произведение, актуализирует межтекстовые связи.

II. Выделение разрядкой от читающего (слово принадлежит писателю, графическое выделение принадлежит критику).

1. *Критик, цитируя трифоновский текст, выделяет разрядкой не все слова/словосочетания из выделенных Ю. Трифоновым в цитируемом фрагменте текста.*

В тексте Ю. Трифонова: «Прыжок несчастного бывшего чемпиона есть одно из маленьких открытий – нет, не фильма, а Брумеля и нас вместе с ним – еще неизведанной страны возможностей человека» [16, с. 272–273].

В критической статье А. П. Шитова: «В одном из репортажей о легкоатлетическом матче СССР и США он описывал прыжки в высоту Валерия Брумеля. Но большее восхищение у Трифонова проявляется к Брумелю, преодолевшему «рок трагедии», когда после автокатастрофы он вернулся в сектор для прыжков и «взял высоту». «Этот неизвестный прыжок на безлюдном стадионе – великий прыжок. Человек не знает своих возможностей. И человечество – не знает. Прыжок несчастного бывшего чемпиона есть одно из маленьких открытий Брумеля и наших вместе с ним в еще неизведанной стране возможностей человека» [16, с. 16–17].

Выделено больше/меньше по сравнению с цитируемым текстом. И в том, и в другом случае говорим о намеренной переакцентуализации смыслов. На первый план выходит общность, «всечеловечность» открытия. Не только выделяя, но и трансформируя текстовый фрагмент (см. у Ю. Трифонова: «нас вместе с ним», в критической статье А. П. Шитова: «наших вместе с ним»), критик еще раз подчеркивает важ-

ность роли «человека», «человечества» в творчестве писателя. В результате трансформации оказываются смещены акценты, заданные писателем: А. А. Шитов актуализирует внимание на словоформе «возможности», которая грамматически связана с выделенным словосочетанием.

2. Разрядкой даны слова/словосочетания, не выделенные Ю. Трифоновым, но стоящие в сильной позиции.

В критической статье В. Суханова читаем: «Спокойный “уютный” берег, с которого уплывают мальчики, к моменту их возвращения претерпевает существенную метаморфозу, оказываясь чужим и опасным: униженным оказывается человеческое достоинство Саши, а самые близкие люди не обращают на это внимания. Жестокое обращение с Сашей отца Чуни, пытающегося “вырвать крик о пощаде”, обусловлено, как показывает Ю. Трифонов, не столько личными мотивами, сколько той общественной ситуацией конца 30-х годов XX века, которая породила социальное неравенство между людьми, разделив их на жертв и на тех, кому “все дозволено”. “Сказано, – рассуждает отец Чуни, – топи, говорят, щенят, пока слепые... Так что разрешают... можно... пожалуйста” (разрядка моя – В. С.; 204)» [17, с. 39].

Фрагмент, графически выделенный В. Сухановым, изначально стоит в сильной позиции. Напомним: «сильной позицией мы называем начало и конец текста или его формально выделенные части (главы, строфы и т.п.)» [5, с. 238]. Выполнены оба условия: помимо того, что это конец предложения, многоточия, отделяющие слова друг от друга, делают на них дополнительный акцент. Критик усиливает с помощью разрядки (трифоновского приема) значимость этого текстового фрагмента. Но, выделяя данные единицы, критик в первую очередь исходит из своих задач. В. Суханов акцентирует внимание на мысли, о том что «герои “Времени и места” лишены ощущения того, что они сами активно формируют, создают социальную жизнь по закону справедливости» [17, с. 48]. Слова, выделенные критиком, становятся ключевыми в рамках статьи и подтверждают заданную мысль.

3. Разрядкой даны слова/словосочетания, не выделенные Ю. Трифоновым и не вынесенные писателем в сильную позицию.

В критической статье А. Шитова: «Обратимся к трифоновской метафоре (в повести «Долгое прощание»), где он пишет о том, что история страны – это многожильный провод, и течение времени несет всех, все. И такое планетарное увлечение, как спорт, является одним из проводов, но уже со множеством своих маленьких “проводочков”» [16, с. 6];

И далее: «В произведениях Трифонова о спорте главное – любовь ко всему талантливому, интересному, что есть в людях, чем отличаются народы друг от друга и чем сплачиваются, что их соединяет. Какое-то здоровое, безоглядное желание полной жизни, связанной бесчисленными, невидимыми нитями с судьбами близких и далеких собеседников. Вспомним о многожильном проводе!» [16, с. 8–9].

Графически выделенный фрагмент повторяется в тексте, работая на его цельность и связность, выполняя, таким образом, текстостроительную функцию. Кроме того, словосочетание, неоднократно фигурируя

в статье, становится одним из ключевых. Оно важно и в контексте творчества Ю. Трифонова. Метафора, представляющая историю как многожильный провод, повторяется в текстах повестей («Долгое прощание», «Другая жизнь») и связана с мотивом времени, одним из главных в творчестве писателя. Критик продолжает логически строить свой текст по трифоновскому канону.

Еще одной функцией, характерной для данного ГВФ, является функция организации диалога/полилога между читателем/критиком/автором. Критик выступает посредником, вступая в диалог как с автором (самим фактом написания критической статьи), так и с читательской аудиторией. Во втором контексте можно говорить об использовании ораторского приема («вспомним о многожильном проводе»): критик одновременно и обращается к аудитории, и объединяет себя с ней.

Таким образом, слово, выделенное разрядкой у Ю. Трифонова, начинает цитироваться, то есть можем говорить о феномене ГВФ в текстах критических и литературоведческих статей, посвященных творчеству писателя. Графически выделенный фрагмент может входить в критический текст как в рамках цитаты, так и вне ее. Меняются границы выделения, происходит наложение (выделение критика поверх авторского). Графически выделенный фрагмент, принадлежащий перу Ю. Трифонова, может появляться не только как «чужой», в рамках цитаты, но и на равных входить в текст критической статьи. Особого внимания заслуживает расширение функционального диапазона: слово, с одной стороны, все еще встроено в структуру произведения и хранит в себе память о целом тексте как более сложном образовании; а с другой, – образует новые синтагматические и парадигматические связи и начинает выполнять несвойственные ему ранее функции в рамках критического текста.

Список литературы

1. Реформатский, А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии / отв. ред.: Т. Н. Моложная ; АН СССР, Ин-т славяноведения. – М., 1963. – С. 208 – 215.
2. Шварцкопф, Б. С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М. : Наука, 1988. – 191 с.
3. Шубина, Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шубина Наталья Леонидовна. – М., 1999. – 455 с.
4. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий : монография / Н. П. Перфильева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. – 285 с.
5. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
6. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 2-е изд., доп. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – 630 с.
7. Фельдман Д. Ошибка автора или ошибка героя? / Д. Фельдман // Лит. учеба. – 1987. – № 6. – С. 169 – 174.
8. Николина, Н. А. Повествовательная структура романа Ю. В. Трифонова «Старик» / Н. А. Николина // Рус. язык в шк. – 2005. – № 4. – С. 69 – 75.

9. Кожин, В. В. Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) / В. В. Кожин // Контекст. 1977 / отв. ред. Н. К. Гей. – М., 1978. – С. 23 – 47.
10. Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом / Ю. В. Трифонов ; предисл. Н. Б. Ивановой. – М. : Панорама, 1999. – 480 с.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 443 с.
12. Девяткина, А. Г. Инерция выделенного слова (на материале творчества Ю. Трифонова и критических статей о его творчестве) / А. Г. Девяткина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы конф. молодых ученых, 5 – 7 апр. 2012 г. / под ред. А. А. Казакова. – Томск, 2012. – Вып. 13. – С. 63 – 68.
13. Трифонов, Ю. В. Собрание сочинений. В 4-х т. / Ю. В. Трифонов. – М. : Худож. лит., 1985 – 1987. – 4 т.
14. Пеньковский, А. Б. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы / А. Б. Пеньковский, Б. С. Шварцкопф // Современная русская пунктуация / отв. ред. Л. И. Скворцов. – М. : Наука, 1979. – С. 5 – 25.
15. Трифонов, Ю. В. Как слово наше отзовется... / Ю. В. Трифонов ; сост. А. П. Шитов ; вступит. ст. Л. А. Аннинского ; примеч. О. Р. Трифоновой, А. П. Шитова. – М. : Сов. Россия, 1985. – 384 с., 1 л. портр.
16. Трифонов, Ю. В. Бесконечные игры: Киноповесть, рассказы, очерки / Ю. В. Трифонов ; предисл. А. П. Шитова. – М. : Физкультура и спорт, 1989. – 478 с. – (Б-ка спортивной прозы).
17. Суханов, В. А. Идея испытания в романе Ю. В. Трифонова «Время и место» / В. А. Суханов // Художественное творчество и литературный процесс / отв. ред. Н. Н. Киселев. – Томск, 1988. – Вып. 10. – С. 37 – 49.

References

1. Reformatskii A.A. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii* (Studies on the structural typology), Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 208-215.
2. Shvarckopf B.S. *Sovremennaya russkaya punktuaciya: Sistema i ee funkcionirovanie* (Modern Russian punctuation system and its operation), Moscow: Nauka, 1988, 191 p.
3. Shubina N. L. *PhD Dissertation (Philology)*, Moscow, 1995, 44 p.
4. Perfil'eva N.P. *Metatekst v aspekte tekstovykh kategorii* (Metatext in terms of categories of text), Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2006, 285 p.
5. Arnol'd I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* (Semantics. Stylistics. intertextuality), St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999, 444 p.
6. Bolotnova N.S. *Filologicheskii analiz teksta* (Philological text analysis), Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 2006, 630 p.
7. Fel'dman D. *Literaturnaja ucheba*, no. 6, 1987, pp. 169-174.
8. Nikolina N.A. *Russian language at school*, no. 4, 2005, pp. 69-75.
9. Kozhinov V.V. *Kontekst. 1977* (Context. 1977), Moscow, 1978, pp. 23-47.
10. Trifonov Yu.V. *Oprokinutyi dom* (Overturned house), Moscow: Panorama, 1999, 480 p.
11. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of verbal creativity), Moscow: Iskusstvo, 1986, 443 p.

12. Devyatkina A.G. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* (Actual problems of linguistics and literature), Proceedings of the conference of young scientists, 5-7 April 2012, Tomsk, 2012, issue 13, pp. 63-68.

13. Trifonov Yu.V. *Sobranie sochinenii v 4 tomah* (Collected Works in 4 Volumes), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985-1987.

14. Pen'kovskii A.B., Shvartskopf B.S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya* (Previous descriptions of Russian punctuation as a functional system), Moscow: Nauka, 1979, pp. 5-25.

15. Trifonov Yu.V. *Kak slovo nashe otzovetsya...* (As our word will respond ...), Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985, 384 p.

16. Trifonov Yu.V. *Beskonechnye igry: Kinopovest', rasskazy, ocherki* (Endless gameplay: A film story, stories, essays), Moscow: Fizkul'tura i sport, 1989, 478 p.

17. Sukhanov V.A. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyi protsess* (Artistic creation and literary process), Tomsk, 1988, issue 10, pp. 37-49.

Graphically Marked Words in Yu. Trifonov's Texts and Critiques on his Creative Work: Inertia of the Stylistic Device

A. G. Vasilenko

Novosibirsk State Teachers' Training University, Novosibirsk

Keywords: functional aspect; graphically marked word; idiosyncrasy; inertia of stylistic device; Yu.V. Trifonov.

Abstract: The article deals with Trifonov's use of words outside the author's texts. Graphically marked words (GMW) serve as a device for readers that detects an author's strategy in the use of spacing as a means of making words "come to the front". Reviewers decode and interpret graphically marked words in a text as a stylistic device to utilize them in their own texts. The device may undergo some changes. A reviewer follows Trifonov's use of GMW in order to converse with the author.

The following stages in the application of the device have been analyzed: eliminating, retention, marking, and using as a device. A classification of introduction means of GMW in Trifonov's texts is presented, with all transformations described.

The classification is based on B.S. Shvartskopf's text perspective: "writer's punctuation" and "reader's punctuation". A reviewer simultaneously performs as two persons: a reader interpreting the device and an author creating his own text with his own marked words. Thus, there is marking by a writer (i.e., marking belongs to the one who writes) and marking by a reader (i.e., a word belongs to a writer, while marking belongs to a reviewer).

Changes in GMW functioning have been given special attention. A word is still embedded into the structure of a text while making new connections and extrinsic functions in a critique.

© А. Г. Василенко, 2015